

Составитель серии
Артем Драбкин

СОЛДАТСКИЕ

Дневники

Анна Тимофеева-Егорова

НЕБО, «ШТУРМОВИК», ДЕВУШКА

«Я – «БЕРЕЗА»! КАК СЛЫШИТЕ МЕНЯ?..»

За нашу Советскую Родину!

Война и мы. Солдатские дневники

Анна Тимофеева-Егорова

**Небо, «штурмовик», девушка. «Я
– „Береза!“ Как слышите меня?..**

«Яуза»

2017

Тимофеева-Егорова А.

Небо, «штурмовик», девушка. «Я – „Береза!“ Как слышите меня?..
/ А. Тимофеева-Егорова — «Яуза», 2017 — (Война и мы.
Солдатские дневники)

ISBN 978-5-699-20599-8

Перевооружение армии и создание современных ВВС, проводимое СССР в 30-е годы XX века, потребовало срочного обучения десятков тысяч пилотов. Среди них было немало девушек, на равных с мужчинами осваивавших профессию авиатора. К 1941 году Анна Тимофеева уже была опытным пилотом-инструктором. Она добровольно вступила в действующую армию, где начала воевать в качестве пилота штабной эскадрильи связи. Каждодневные боевые вылеты требовали огромного мужества и умения от пилотов, летавших на безоружных У-2. В течение года она была трижды сбита немецкими истребителями, но осталась в строю. В конце 1942 года переучилась на Ил-2, став первой женщиной летчиком-штурмовиком. Завоевав безоговорочное признание пилотов-мужчин, автор стала не просто зрелым боевым летчиком, но и командиром, штурманом полка. В ходе одного из боевых вылетов в конце 1944 г. ее самолет был сбит немецкой зенитной артиллерией, и она провела 5 месяцев в немецком концлагере... Удары по врагу, противодействие немецкой зенитной артиллерии и тяжелые воздушные бои с истребителями, потеря друзей, детали боевой жизни и быта летчиков, тяжелейшие условия немецкого лагеря и последующие проверки в СМЕРШ – все это красочно и четко отражено в уникальных и не имеющих аналогов воспоминаниях старшего лейтенанта ВВС Анны Тимофеевой-Егоровой.

ISBN 978-5-699-20599-8

© Тимофеева-Егорова А., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Обманула радуга	6
Отчий край	8
Подземка	14
Из шахты в небо	18
«Выходи за меня замуж!»	21
Первый полет	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

СОЛДАТСКИЕ Дневники

Анна Тимофеева-Егорова
Небо, «штурмовик», девушка. «Я
– «Береза»! Как слышите меня?..»

Обманула радуга

Выбор сделан – я стану профессиональным летчиком! Только так! Нельзя делить себя на две части, нельзя отдавать сердце сразу нескольким привязанностям. А небо предъявляет к человеку особые права, безраздельно захватывая все твои чувства...

Проводы запомнились как яркий солнечный праздник. Хотя, вполне вероятно, день был и пасмурным. Но улыбки друзей, смех, шутки – все это так ослепляло, так кружило голову, а радость, переполнявшая меня, так туманила взор... Когда поезд отошел, уже в тамбуре вагона я долго смотрела перед собой, зажмурившись, полужакрытыми глазами и ничего-то не могла разобрать...

В Ульяновске сразу же с вокзала я умчалась на Венец – это самое высокое место над Волгой. И такая невообразимая ширь открылась там, такой простор, что дух захватило! Вот она, могучая русская река, дарящая России богатырей... И удивительное дело – над Волгой, затянутой молодым декабрьским ледком, вдруг засветила радуга. Она перекинула свое разноцветное коромысло от берега к берегу, через все синее небо – и это зимой-то? А может, мне только почудилось?.. Но я уже звонко смеялась, веря, что это – радуга и что она к счастью. Снова, как и там, на Казанском вокзале в Москве, в моей груди рождались волны радости, их брызги радужным туманом застилали горизонт. Да шутка ли, с блеском сданы экзамены, придирчивая медицинская комиссия дала «добро» – и я зачислена курсантом летной школы!..

И вот нам уже выдали обмундирование: брюки, гимнастерки с голубыми петлицами, ботинки с крагами. Кажется, лучшего наряда в своей жизни я не носила, хотя размер его и был явно великоват. Словом, в школе мне нравилось все, начиная с подъема и физзарядки и до прогулки с песней перед отбоем ко сну. Занимались мы много. По учебе у меня все шло хорошо. Но однажды... Как страшный сон видится мне тот день.

– Курсант Егорова! К начальнику училища.

Когда я вошла в кабинет и доложила, как положено, все сидящие за столом встретили меня молча и только хмуро посмотрели в мою сторону.

Помню, я стою по стойке «смирно» и жду.

– У вас есть брат? – слышу я чей-то голос и отвечаю:

– У меня пятеро братьев.

– А Егоров Василий Александрович?

– Да, это мой старший брат.

– Так почему же вы скрыли, что ваш брат враг народа?!

На мгновение я растерялась.

– Он не враг народа, он коммунист! – гневно крикнула я; хотела сказать еще что-то, но у меня сразу пересохло во рту и получился какой-то шепот. Я уже и лиц сидевших в кабинете не видела и слышала плохо – только в груди все сильнее и сильнее стучало сердце. Оказывается, мой брат был в беде, а я ничего не знала... Как приговор долетело откуда-то:

– Мы исключаем вас из училища!

Не помню, как я вышла из кабинета, как переоделась в каптерке в свое гражданское платье, как за мной закрылись ворота летной школы. Отлучили от неба... Обманула радуга... Счастья не получилось... И опять я оказалась на крутом берегу Волги, только теперь не на Венце, а далеко за городом. Порылась в карманах – нашла паспорт, комсомольский билет, красную книжечку с эмблемой метро – благодарность от правительства за первую очередь Метростроя. И все.

В мучительных терзаниях и тревоге я решила поехать к маме в деревню. Там, в родных тверских краях, меня всегда поймут и поддержат. Но тут же я спохватилась: ведь у меня ни копейки денег, не на что даже купить билет на дорогу. И тогда я направилась к горкому комсомола...

Отчий край

Наш тверской край испокон веков славился гостеприимством. По престольным праздникам у нас с широким русским размахом принимали дорогих гостей со всей близлежащей округи. Традиционно собирались не только родственные семьи: приходили близкие по духу люди, приезжали гости и издалека. Загодя готовилось к таким торжествам угощение. Помню, моя мама на престольные праздники всегда варила пиво. Оно было такое сладкое, вкусное, что понемножку его давали даже нам, детям. Для пива у нас в огороде на высоких тычинах рос хмель. По осени мы его щипали впрок, а на печи в мешке долго, пока не прорастет на солод, лежал ячмень. Из солода мама варила в русской печи в больших чугунах сусло. В сусло добавляла хмель, дрожжи. Все это потом процеживалось в бочонки, и через сутки-двое пиво было готово. Кто ни заходил в дом – всех угощали из больших кружек, из ковшиков.

Вообще-то наша деревенька Володово, затерянная в лесах между Осташковом и древним Торжком, была в одну улицу. К 1930 году в ней было всего 45 дворов. Летом здесь все собирали грибы и ягоды: в лесах и перелесках Галанихи и Микинихи, в Заказнике и на Сидоровой горе. Основным же занятием в наших краях, заботой многих поколений был лен. Когда он цвел, глаз не оторвешь от сине-голубого моря, а когда созревал – это было золотое море! А какой у нас воздух в разнотравье полей и лугов! А хрустально-чистые родниковые ключи на Вешне и в Песчанке, на Лотках и Ясеницах... По извилистым берегам речки Яременки было много черной смородины. Зимой мы катались на лыжах и санках с Молошной горы, на Сопках и Шише, играли в простые деревенские игры. Мужики долгими зимними вечерами чинили хомуты и сбрую, женщины пряли лен и рукодельничали, а молодежь организовывала танцы. В солнечную погоду с горы Шиш (никакой горы на самом деле тут не было – это был просто один из холмов Валдайской возвышенности) были ясно видны золотые кресты торжокских соборов, на которые мы бегали любоваться. Когда ранней весной подсыхала земля, и взрослые и дети играли на горе Шиш в лапту.

Трудно переоценить роль Торжка, построенного по соседству с Волгой, на ее притоке Тверце. Это был город, самым своим местоположением предназначенный для торговли, для двух огромных, сходящихся тут торговых потоков – одного с севера, другого с юга. Здесь встречались пушнина и ткани, соль и оружие, мед, кожа и множество других товаров, которые привозили купцы со всего света. Но главное, Торжок был поставщиком хлеба. С самого основания Торжок представлял собой огромный амбар. Еще Торжок с древних времен славился удивительным народным искусством – золотым шитьем. Завезли это чудо не то из Византии, не то из Ассирии, а может быть, из Вавилона. Но до наших времен сохранилось в Торжке золотошвейное искусство.

После окончания четвертого класса Сидоровской сельской школы мама решила отвезти меня в Торжок и определить в школу золотошвеек. Так она и сделала, но оказалось, что я не подхожу по возрасту. Мама упросила начальницу принять меня условно и уехала. В школе было очень интересно. Учились там одни девочки. Учителя – важные дамы – рассказывали нам о золотошвейном мастерстве. Вечерами, помню, нас парами вводили в большой зал, где стоял рояль. Старая дама в пенсне садилась за инструмент, играла, а мы хором тянули: «И мой всегда, и мой везде, и мой сурок со мною...» «И что это за зверюшка такая?» – засыпая, думала я. А через неделю запросилась домой, потому что поняла – не смогу сидеть целыми днями над шитьем. Даже своим детским умом я поняла, что к такому искусству надо иметь еще и призвание. Золотошвейка из меня не состоялась. Но учиться было негде – средней школы в наших краях не было, и тогда старший брат решил взять меня в Москву, а сестренку Зину увезли к родственникам в Ленинград.

И вот мы с братом шагаем по Москве. Вася одной рукой тянет меня, а в другой несет корзинку с моими пожитками. Я упираюсь, останавливаюсь, ошеломленная страшным шумом – стуком по булыжной мостовой колес от телег ломовых извозчиков, звонками трамваев, гудками паровозов – и удивленная великолепием трех вокзалов Каланчевской площади. Особенно приглянулся мне Казанский вокзал – с высокой башней и удивительными часами на ней. Я никогда не видела таких высоких и красивых зданий – разве только во сне. А вот трамваев и, главное, столько спешащих куда-то людей в свои 11 лет я и во сне не видела.

– А куда это народ-то бежит? – спрашиваю я у брата. Вася смотрит на меня, улыбается и говорит:

– По своим делам.

Я удивленно думаю: «Что это у них за дела такие? Я вот еду без дела, так. А может быть, и не без дела?..»

В вагоне трамвая мне страшно, особенно когда с грохотом проносится мимо встречный вагон. Я даже глаза зажмуриваю, цепляясь обеими руками за брата.

– Сухаревский рынок, – объявляет кондуктор.

Брат подталкивает меня:

– Смотри, смотри вправо. Видишь, посреди улицы высокий дом с часами?

– Вижу.

– Это Сухарева башня. В верхних этажах ее раньше помещались большие баки водопровода, снабжавшего Москву водой.

– А почему она Сухаревой называется? – робко спрашиваю я.

– Тут уж история! – смеется Василий. – А историю своей Родины, своего народа каждый человек знать обязан. Это наука очень нужная наравне с математикой и родной речью. Ты слышала что-нибудь про царя Петра Первого и стрельцов?

– Нет. Зачем мне про царей знать да каких-то там стрельцов?

– Так вот, был такой хороший царь Петр.

– Хороших царей не бывает, – не утерпела я.

– Ну хорошо, пусть не бывает. Но Сухаревой эта башня называется в честь стрелецкого полковника Сухарева. Он – единственный, кто со своим полком остался верен царю Петру во время стрелецкого бунта.

– А почему здесь базар устроили? – не унимаюсь я.

– А ты слышала о войне 1812 года?

– Это когда французы Москву сожгли?..

Мой брат терпелив. Он готов отвечать на тысячи моих вопросов.

– После войны с французами, – рассказывает мне он, – после пожара Москвы жители города стали возвращаться домой и разыскивать свое разграбленное имущество. Генерал-губернатор издал приказ, в котором объявил, что все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только раз в неделю, в воскресенье, на площади против Сухаревой башни...

Уже давно кондуктор трамвая прокричал: «Са-мо-те-ека», «Каретный ря-ад», еще какие-то интересные названия остановок. Мы уже два раза пересаживались с трамвая на трамвай, а Василий все рассказывал и рассказывал, и мне кажется, что все пассажиры его слушают с вниманием. Я так горжусь своим старшим братом!

– Кра-а-а-сная Пре-е-сня, – протяжно кричит кондуктор, и тут Василий говорит:

– Вот и приехали.

По дороге к Курбатовскому переулку, где брат живет с семьей, он рассказывает мне о событиях 1905 года, о том, как рабочие Пресни забаррикадировали улицы и сражались с царскими войсками и жандармами. Брат показывает улицу под названием «Шмитовский проезд», названную так в честь студента Московского университета, владельца мебельной фаб-

рики Николая Павловича Шмита. Его фабрика во время Декабрьского вооруженного восстания стала бастионом революции на Пресне, а он сам – активным участником событий. После подавления восстания Шмита заключили в Бутырскую тюрьму и там убили. Брат еще что-то рассказывал и показывал мне, но я уже плохо слушала и плохо видела заплаканными глазами. Мне было жалко Шмита, жалко погибших рабочих. А тут еще я вспомнила тихую нашу деревню Володово, подружек, с которыми так весело было играть, – и заревела еще пуще. Василий купил мне в одном из лотков Моссельпрома (они попадались на каждом шагу) длинную конфету в красивой, яркой, витой обертке с кистями, но и это меня не утешило. Тогда он стал расспрашивать о доме, о матери, о братьях.

– Как папа умер, – всхлипывая и размазывая по лицу слезы, принялась рассказывать я, – мама стала часто болеть, плакать и молиться Богу. Она и нас стала заставлять ходить в церковь, молиться, когда садились за стол. Зина с Костей хитрые – крестятся и на маму смотрят. А я так не могу, обязательно на икону взгляну.

– А почему тебе нельзя на икону смотреть?

– Да я ведь пионерка, крестный! Ты что, не видишь разве – на мне галстук пионерский?

Брат впервые внимательно оглядел меня. У меня действительно был линиялый-прелинялый галстук, выглядывавший из-под воротника пальтишка. На ногах яловые полусапожки с резинками, сшитые маминым братом дядей Мишей. На голове платок, а из-под него торчали две косички с бантиками.

– Галстук пионерский мне сшила из своей кофточка сестра Маня, моя крестная, – похвалилась я, и тут брат заметил:

– Ты меня, пожалуйста, крестным-то не зови, я ведь коммунист, депутат Моссовета...

Так, разговаривая, мы дошли до моего нового дома. В семье брата мне было хорошо, особенно от теплых ручек годовалого Юрки. Он не отпускал меня ни днем ни ночью, а если случалось, что меня не оказывалось рядом, начинал так реветь, что будил всех в квартире. В школу я не ходила, так как опоздала к занятиям на два месяца. Гуляла с Юркой, с ребятами из нашего двора по Курбатовскому переулку, помогала по дому, бегала в магазин за хлебом. Как-то нас с Томкой, подружкой, жившей этажом ниже, послали за керосином на Малую Грузинскую улицу. Но вместо керосиновой лавки нас занесло в парикмахерскую. Там мы остригли косы и попросили сделать самую модную в то время прическу чарльстон. Ну и получили – чуть ли не под «первый номер» и на лбу завитушка какая-то в сторону. Вышли мы с Томкой из парикмахерской, посмотрели друг на друга и заплакали. Чтобы не напугать домашних, пришлось в аптеке купить по аршину марли да завязать свои легкодумные головушки. На оставшиеся деньги мы купили по два фунта керосину в каждый бидон и отправились домой. Приближаясь к дому, мы идем все тише и тише. Наконец, наши шаги на лестнице совсем замедлились. Вот и Томкина дверь. Я позвонила – и через ступеньки вверх! Вскоре на весь подъезд раздались вопли моей подруги... Долго я поднималась к себе в квартиру, долго стояла у двери, но решив «будь что будет!» – позвонила. Открыла Катя, жена брата. Увидела меня с забинтованной головой и запричитала:

– Нюлочка, девочка, что с тобой? Да лучше бы я сама сходила за керосином! – И стала медленно, боясь сделать мне больно, разматывать с моей головы марлю. Сняла и обомлела.

– Нет, я тебя пороть не буду, дрянная девчонка! Пусть брат тебя проучит. Садись и решай 10 задач и 20 примеров из задачника, который я тебе купила! – Катя взяла Юрку, бидон, из которого уже успели вытечь те два фунта керосина, и ушла. Я подтерла керосиновую лужу и села решать задачки. А тут зашла соседка по квартире – спросить, почему так сильно пахнет керосином, увидела меня во всем великолепии цирюльного искусства и ахнула:

– Где же твои косы, Нюлочка?

– В парикмахерской остались, тетя...

Соседка взяла ножницы, подстригла мою завитушку на лбу, расчесала – получилась челочка.

– Вот так лучше, – сказала она и ушла, а я опять села за задачи. Вечером, перед приходом брата, Катя выпроводила меня к Томке:

– Иди посиди у Фроловых, а я Васю подготовлю.

И подготовила. Когда я заявила домой, брат сердито посмотрел на меня, ухватил за ухо и начал трепать да приговаривать:

– Ах, ты негодница! Самовольница! Надо бы тебя бритвой побрить!

От наказания меня спас Юрка. Увидев такое надругательство над своей любимицей, услышав мой неистовый рев, он громко заплакал, скатился с дивана, поднялся на еще не окрепшие ножки и сделал первые шаги в своей жизни – в мою сторону, защищать! Мир в доме был восстановлен. За ужином Катя даже сказала:

– Вася, посмотри-ка на нее, а ей идет челочка...

Зимой в нашем дворе залили каток. Привязав веревками самодельные деревянные коньки к валенкам, мы умудрялись выписывать на льду какие-то фигуры. Побывала я в цирке, где выступал сам дедушка Дуров. Сводил меня брат и в Большой театр. Помню, шла опера Бородина «Князь Игорь». Я не понимала тогда ни музыки, ни пения, но «половецкие пляски» и арию князя Игоря запомнила на всю жизнь.

Забегая вперед, скажу, что однажды мне придется слушать эту арию в плену у гитлеровцев. Пленный итальянец Антонио будет петь ее, пока его не расстреляют немцы... Годы спустя, когда у меня родится второй сын, я назову его в честь русского князя – Игорем...

Так, со всякими разностями, открытиями, восторгами отроческого возраста, прошла моя первая московская зима. А на следующее лето нас с Юркой отвезли в деревню. Мама, узнав, что внук некрещеный, решила исправить этот непростительный грех и втайне от сына и невестки окрестила Юрку в церкви, где его нарекли Егором. Когда брат с женой приехали в отпуск, то из каких-то источников они узнали о крещении их сына. Вася рассердился на маму и стал ей выговаривать, что «вот уже двенадцать лет Советской власти, а она все тянет назад». Невестка же, мать Юрки, перевела все в шутку, долго смеялась и все еще и еще раз просила рассказать, как крестили ее сына и как он не хотел вылезать из купели, бил руками по воде, брызгался и весело смеялся.

Когда отпуску брата окончился, в Москву они уехали без меня. Мама воспротивилась моему отъезду:

– Нечего там в Москве баклуши бить. Пусть здесь ходит в пятый класс, хотя и далековато – пять километров туда да пять обратно, по бездорожью... Но ничего, выдюжит. Сказывали, что Ломоносов с Севера, из Архангельска, за грамотой в Москву пешком пришел.

– Так то Ломоносов! – отозвался брат.

Но оказалось, что в деревне Ново наконец-то открыли семилетку, – и порешили, что учиться я пойду туда. Открытая школа была семилетней ШКМ – школой крестьянской молодежи, и я поступила в нее в пятый класс. В ту школу из нашей деревни ходило семеро ребятшек. Каждый день – пять километров туда, пять обратно – и в стужу, и в дождь, и по занесенным снежным дорогам, и по непролазной грязи. В шестой класс мы уже ходили только вдвоем: я да Настя Рассказова.

Учились мы, помню, во вторую смену, домой возвращались поздно. Особенно плохо было ходить осенью: темень, грязь по колено. Полям идти веселей, чем лесом, и мы пели песни, а приближаясь к лесу, замолкали. Лес пугал своей таинственностью, все казалось, что стоит только в него войти, как схватит кто-то страшный. Иной раз и волчьи глаза светились в темноте... Из школы мы с Настей стали возвращаться все позже и позже. Учитель математики и физики оставлял нас порешать непрограммные, придуманные им самим задачи. И он и мы радовались, если решали те задачки «своим» способом! Он загорался, смотрел в наши тет-

радки, искренне (как нам казалось) удивлялся нашим способностям и предлагал «раскусить еще один орешек», который якобы и сам не сумел одолеть. Так он учил нас самостоятельности мышления. Нередко мы «из ничего» делали приборы для физических и химических опытов, мастерили игрушки и разные поделки для украшения класса и школьного зала. А с учительницей русского языка и литературы мы репетировали, а потом ставили спектакли – да не только в нашей школе, но и в деревнях Замощье, Прямухино, Велеможье (здесь жили вельможи Полторацкие), Тавруево, Обобково, Баранья гора...

Однажды в наш в класс пришел молодой человек и отрекомендовался секретарем Каменского райкома комсомола. Он рассказал нам о Программе, Уставе ВЛКСМ, а затем спросил:

– Кто желает быть комсомольцем? Прошу поднять руку.

Мы все подняли руки. Через неделю тот же паренек в присутствии учителей торжественно вручал многим из нас комсомольские билеты. Я помню, как мы выходили по одному к столу, покрытому кумачом, и произносили слова клятвы – быть всегда в первых рядах строителей и защитников своей Родины. Выступали мы впервые в жизни и говорили кто как мог – краснея и заикаясь. Но зато с великим наслаждением и гордостью мы стали носить защитного цвета гимнастерки, подпоясанные широким ремнем с португеей. На португее – узеньком желтом ремне – красным огоньком сиял Кимовский значок (от КИМ, Коммунистический Интернационал Молодежи). Деньги на эти костюмы мы заработали, разгружая дрова на станции Кувшиново. Рассказывали, что эту станцию построила хозяйка здешней каменской бумажной фабрики Ю.М.Кувшинова. На первое прошение, которое она написала царю с просьбой разрешить построить железную дорогу от Торжка до Каменного протяжением 40 верст, был отказ с мотивировкой – «мало расстояние». Кувшинова не успокоилась, наняла частных проектировщиков и договорилась с ними на увеличение в проекте расстояния железной дороги на 17 верст. Проект был сделан, и царь его утвердил: дорога была построена. Вот почему теперь, подъезжая к Кувшинову, поезд начинает вилять то вправо, то влево, нагоняя километры. Здесь-то, на станции, мы часто и грузили дрова да разные товары – для заработка, а то и без заработка – на субботах.

Кроме железной дороги, та же Кувшинова построила для рабочих больницу, народный дом, две школы, детский сад. На фабрике в ночную смену обязательно кипятился чай в самоварах, а рабочие могли и в обеденный перерыв попить чаю с дешевыми конфетами и баранками «за счет конторы». После Октябрьской революции Кувшинова сразу же передала все движимое и недвижимое имущество Советской власти. Железнодорожная станция, а теперь и город именуется Кувшиново.

Так мы вступили в комсомол. Теперь ко всем нашим делам прибавились комсомольские поручения. Меня и Настю Рассказову от нашей комсомольской ячейки включили в агитбригаду по созданию колхозов в Новском сельском Совете. В бригаду входили уполномоченный райисполкома, председатель сельского Совета, директор нашей школы и мы с Настей – представительницы комсомола.

Первый поход для агитации за колхоз был в деревню Жегини. И вот в большой избе, уставленной скамейками, собрались крестьяне. Под потолком две «десятилинейные» керосиновые лампы, от самосада сизой тучей дым над головами. Уже шестой раз держит речь уполномоченный райисполкома, доказывая преимущества коллективного хозяйства над единоличными. Он говорит о том, что трактором куда легче и быстрее можно вспахать землю, чем однолемешным плугом или сохой, что трактором-то десять десятин за сутки обработаешь, а сохой или плугом работы на всю весну или осень.

– Хватит нам сказки рассказывать, – крикнул кто-то. – Где он, трактор-то твой?

– Вот вступите в колхоз и трактор получите.

Когда стал выступать директор нашей школы, в задних рядах зашумели:

– А ты сам-то вступил в колхоз?

– Но я же учитель, учу ваших детей.

– Так вот ты на жалованье, а мы чем будем кормиться, когда все отдадим в колхоз? – не унимались в избе. – А комсомолки твои вступили?

Я вспомнила, какой сегодня утром был тяжелый разговор с мамой. Она ни за что не хотела вступать в колхоз и мне сказала:

– Ты вступай, если хочешь, а меня не трожь! Последнюю коровенку на общий двор не поведу...

Собрание в Жегинях продолжалось. Председательствующий все просил приступить к записи желающих, но никто первым на этот шаг не решался. Наконец к столу вышел худой, в рваном полушубке и подшитых валенках крестьянин и заявил:

– Стало быть, делать нечего – пишите!

К утру в колхоз записалось двадцать с лишним семей. А через две недели, когда скот и живность начали обобществлять, колхоз распался. Помогло этому еще и то, что в газетах была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов». И тут же начались аресты и ссылки кулаков. Откуда только взялись они в наших-то тверских деревнях? Тогда же образовались комитеты бедноты из самых ленивых и, понятно, бедных крестьян. Я помню несколько показательных судов в нашей Новской школе, которые проходили по ночам... Отца моей подружки Насти – Василия Рассказова, имевшего в хозяйстве одну корову, одну лошадь и две овцы, объявили кулаком. А мою маму, имевшую к тому времени одну корову, – подкулачницей, потому что она защищала как могла своего соседа Рассказова. «Кулаков» судили, а то и просто без суда и следствия ссылали невесть куда...

Меня с Настей за невыполнение комсомольского поручения и за «связь с кулаками», не долго думая, исключили из комсомола. С какой же душевной болью положила я на стол перед Толькой Гурьяновым, нашим активистом, свой комсомольский билет! Ему многие возражали, отстаивая нас, но он уперся и долго читал какие-то цитаты из «Капитала» Маркса. Я стояла поникнув, ничего не слыша, ничего не понимая. А дома всю ночь писала длинное-предлинное письмо в обком комсомола, в котором просила разобраться в моем деле, восстановить меня в комсомоле и строго наказать Тольку Гурьянова...

К окончанию школы в комсомоле меня восстановили. На выпускной вечер мы с Настей пришли, как говорили у нас в деревне, разнаряженные «в пух и прах». На нас были черные юбки из «чертовой кожи», белые кофточки из коленкора с матросскими воротниками, на ногах – прорезиненные тапочки и белые носочки. На вечере мы пели песни, читали стихи, танцевали. Нас с Настей, как «морячек», упростили исполнить «Яблочко», и мы с радостью выплясывали, как умели.

Вместе со свидетельствами об окончании школы всем нам дали рекомендации на дальнейшую учебу. Меня и Гурьянова рекомендовали в педагогическое училище, Настю Рассказову – в сельскохозяйственный техникум. Никитину, Милову, Лиде Раковой рекомендовали закончить девятилетку и учиться дальше в институте.

Подземка

Но страницы газет звали нас на стройки пятилетки, и почти весь наш выпуск разъехался кто куда. Все стремились, как тогда говорили, «участвовать в индустриализации страны». Мы хотели работать и учиться.

В то лето брат Василий с семьей отдыхал в деревне. Маме он помог накосить сена для коровы, заготовил дров на зиму. Много рассказывал о Москве, о стройках, о том, что в столице будет подземная железная дорога – метрополитен.

– Это зачем же? – спросила мама.

– Чтобы быстрее добираться до работы, – ответил Вася. – Во многих развитых странах метрополитен построен еще в середине прошлого века – в Лондоне, в Нью-Йорке, в Париже...

Мы все удивлялись осведомленности брата, а больше всего тому, что в Москве будет метрополитен. Неслыханное ранее слово! Про себя я уже твердо решила, что поеду с братом и постараюсь устроиться работать на этой загадочной стройке. Но когда объявила об этом маме, она запротестовала, запричитала: вот, мол, растила, растила детей, а они все разлетаются из родного гнезда, и останется она одна-одинешенька. Вася убедил маму, что в Москве я буду обязательно учиться дальше, – и с тем мы и уехали.

По приезде в столицу я первым делом отправилась искать райком комсомола. С робостью вошла в здание и начала гадать, в какую бы дверь постучаться.

– Что вы ищете, девушка? – спросил меня парень, одетый в спецовку.

– На Метрострое хочу работать!

– Комсомолка?

– Да!

– Пиши заявление, – предложил парень и спросил проходившую мимо девушку: – Куда ее пошлем?

– А что она умеет делать?

– Пока ничего, – ответил он за меня.

– Тогда давай в ФЗУ «Стройуч» Метростроя.

– Добро!

И парень тут же в коридоре у окна написал мне на клочке бумаги адрес училища: Старопетровско-Разумовский проезд, дом 2.

– Езжай на 27-м трамвае до конца, а там спросишь.

И я поехала. В ФЗУ, в приемной комиссии, мне сказали, что Метрострою очень нужны арматурщики. Что такое арматура, для чего она – я не знала, но твердо ответила:

– Хорошо, буду арматурщицей!

Метрострой был стройкой комсомола – «Комсомол-строим», и профессию каждый выбирал себе не ту, что нравилась, а ту, какая требовалась. Три с половиной тысячи коммунистов, пятнадцать тысяч комсомольцев в спецовках, касках, «метроходах» (так назывались резиновые сапоги) стояли в авангарде замечательного строительства. И это определило успех: в короткий срок, за три года, была сооружена первая очередь подземки. Работа была тяжелой, но никто не унывал, а девчата ни в чем не хотели отставать от парней. Врачи не пропускали нас на работу под землю, но мы всячески добивались этого разрешения. А когда женщинам категорически запретили работать в кессоне, три делегатки отправились искать правду к самому Калинин.

Председатель Верховного Совета СССР согласился не сразу:

– Как же такое может выдержать хрупкий женский организм? Нет, нельзя девчатам в кессон, рожать не сможете!

– Родим, Михаил Иванович, обязательно родим и метро построим! – убеждали метростроевки Всесоюзного старосту и добились своего – стали работать в кессоне. Нас всех вдох-

новлял трудовой подвиг белоруски Софьи Киеня – первой в мире девушки-кессонщицы. Но я пока училась в метростроевском ФЗУ «Стройуч». Ежедневно четыре часа практики, четыре часа теории. Учиться было непросто: для нас, «фабзай-чат», игравшие в руках инструктора кусачки становились тяжелыми, падали из рук, когда мы начинали вязать проволоку или откусывать ее. А с чертежами было еще труднее разобраться! Чтобы быть ближе к ФЗУ, я перебралась в общежитие, находившееся там же. Это был целый городок из бараков. В бараке четыре большие комнаты, в комнате в три ряда кровати с тумбочками, посередине – стол. За этим большим столом из досок, покрытым клеенкой, мы и уроки делали, и чай пили. Завтраков, обедов, ужинов как таковых у нас не было. Был хлеб, немножко сахара да кипяток из кубовой. На 28 рублей, которые получали, много не разгуляешься!

Сейчас смешно вспоминать, как мы с подружкой То-сей Островской на Бутырском рынке продавали чай, полученный по карточкам. Нам дали по ордеру на ботинки, а денег выкупить их не хватало, вот мы и решили сделать «бизнес». Стоим на рынке, дрожим. Я держу в руках две пачки чая, Тося – в роли зазывалы. К нам подошел какой-то мужик, который с ходу начал хулить сорт нашего чая – видимо, сбивая цену. Я не стерпела такой напраслины и как выпалю ему:

– Понимаешь ты в чае, как свинья в апельсинах!

Эх, как он взвился:

– Милиционер! Милиционер!

Мы пустились бежать со всех ног куда глаза глядят и пришли в себя только в Тимирязевском парке. Одну пачку чая при «вынужденном отступлении» мы потеряли, а вторую тут же решили отвезти Тосиной бабушке на станцию Сходня. Бабушка пожурила нас, и мы дали ей слово никогда в жизни не зарабатывать деньги таким путем.

Инструктор у нас был просто золотой, а теорию в училище читали преподаватели с инженерным образованием, что в те времена было редкостью и большой роскошью. Мало-помалу и я научилась и чертежи читать, и держать правильно кусачки. Научилась различать диаметр железных прутьев и обжигать тонкую проволоку для вязки. Экзамены мы сдавали в шахте 21–21 бис «Красные ворота», где проходили практику. Здесь нас и оставили работать арматурщиками.

В 1928 году у «Красных ворот» была снесена церковь Трех Святителей. На этом месте расположилась шахта Метростроя № 21, а позднее, в 1934 году, построили вестибюль станции «Красные ворота». Именно здесь, во дворе шахты, что у Красных ворот, мы и сделали первые заготовки балок для железобетонной «рубашки» тоннеля. Все заготовки поднимали на эстакаду, оттуда грузили в клеть и спускали в шахту. Тогда, на первой очереди Метростроя, спускали в шахту и поднимали из шахты подъемником только грузы, шахтеры же спускались и поднимались по лестнице. Эта лестница запомнилась мне на всю жизнь – узкий колодец, или «ствол», а в нем почти отвесная лестница с маленькими площадками. Если кто-то поднимается или спускается навстречу, то разминуться на лестнице очень трудно – такая она узкая, вся обледенелая, скользкая да полутемная. Рукавицы с рук приходилось снимать, так как в них не удержишься за скользкие-то ступеньки. Свет от малюсеньких лампочек в плотном тумане теряется. На руки, держащиеся за ступеньки, наступают сапоги спускающихся следом шахтеров. Как же мне страшно было первый раз спускаться в шахту!.. Но чем дальше от поверхности земли, тем светлее и теплее, и вот мы уже на глубине 40–50 метров. Наша арматура лежит в стороне, а к стволу непрерывно подходят вагонетки с породой, которые стволовой вкатывает в клеть и отправляет на-гора.

Стволовой – это шахтер, принимающий и отправляющий грузы вверх и вниз. Одет он в резиновую куртку, сапоги, широкополую резиновую шляпу, сразу не разберешь – мужчина это или женщина. Он кажется великаном не только по одежде, но и по тому, как лихо расправля-

ется с доверху нагруженными породой вагонетками. Однако клеть отправлена, и я вижу, как стеновой, сняв сначала свою шляпу, а потом и кепочку, повернутую козырьком к затылку, поправляет пышные белокурые волосы.

Мы, бригада вчерашних фабзайчат, взваливаем арматуру на плечи и, согнувшись от тяжести, шагаем вперед – по штольне к тоннелю, туда, где должны собрать ее точно по чертежам, связать проволокой каждое перекрестье. Затем плотники сделают опалубку из досок, а бетонщики зальют все это сооружение бетоном. Движемся по штольне цепочкой. Идти трудно: груз очень тяжелый, и хочется его сбросить, распрямиться, отдохнуть. Но мы несем дальше, и кто-то тихонько начинает песню:

По долинам и по взгорьям...

Неожиданно резкий толчок, яркая, как молния, вспышка – и тьма, а во тьме отчаянные крики... Меня сильно ударило током... Очнулась я на шахтном дворе: меня куда-то несут. Увидев машину «Скорой помощи», я испугалась, вырвалась из рук, несущих меня, кинулась в сторону, на кучи гравия...

В Боткинской больнице я пролежала две недели, а когда вернулась на шахту, то узнала: погиб Андрей Дикий. Крючками арматуры он зацепил за оголенный электропровод. Смерть товарища потрясла нас всех...

После выписки из больницы до работы меня не допустили, а в шахткоме предложили путевку в плавучий дом отдыха. Я отказалась: решила поехать в деревню к маме. Ей я ничего не писала о приезде, но, когда вышла из вагона на станции Кувшиново, очень удивилась: меня встречали и мама, и сестра Мария – моя крестная.

– Как вы узнали, что я приеду? – спросила я сестру.

Мария разъяснила просто:

– Да маме сон какой-то приснился, вот она спозаранку приехала ко мне и говорит: «Поедем встречать Аннушку – сегодня приедет». А ты знаешь нашу маму, она как командир: прикажет – и выполняй без разговорчиков!

Мама остановила Марию, обращаясь ко мне:

– Ты что так похудела, дочушка? Да и бледная уж очень...

– В поезде укачало, – схитрила я, – ведь ты знаешь, как за Торжком железная дорога виляет.

– Да, уж не приведи бог, – сказала мама. Мы уселись в телегу и поехали в Володово. Как раз начинался сенокос, цвели травы. Мама будила меня еще затемно, и полем мы шли к лесу, где должны были косить. Солнышко только-только поднималось, освещая землю, просыпались птицы и начинали щебетать на все голоса. Дойдя до леса, мама укладывала под ель старый пиджак, узелок с пищей, точила свою и мою косы и со словами: «Ну, дочушка, становись за мной» – начинала косить. Вначале коса у меня то залезла носком в землю, то за куст задевала, но потом дело пошло на лад. Когда солнце начинало пригревать, мама отбирала у меня косу и заставляла отдыхать в тени под елочкой. Какое это было блаженство – растянуться на свежескошенной траве! От непривычной работы болели руки и ноги, но эта усталость была приятной, и я незаметно засыпала на теплой, родной земле. Проснусь – а рядом сидит мама, в руках у нее берестовый кулечек, в нем лесная земляника. На чистом полотенце разложены два больших ломтя хлеба, два яйца и бутылка молока. Все такое вкусное – кажется, в жизни своей я никогда ничего вкуснее не ела!

Отпуск мой пролетел незаметно, и вот я опять в шахте. С сентября учусь на рабфаке Метростроя – то утром, то вечером – посменно. Работали мы по шесть часов, с полной отдачей сил, не считаясь ни с чем. Порой не выходили из шахты и по две смены. Однажды, отработав вечернюю смену, я осталась в ночь. Помнится, мы вязали арматуру под сводом в тоннеле. Ужасно уставали руки, все время поднятые с кусачками вверх. А в тоннеле душно, жарко, хочется спать, особенно к утру. Кто-то из нас, свернувшись калачиком, заснул на ступенях

лесов. Вдруг, как нарочно, под землю спустились начальник нашей шахты Гоцеридзе и нарком путей сообщения. Увидели спящего, остановились.

– Почему дети в шахте? – грозно спросил нарком.

– Это комсомольцы, – ответил Гоцеридзе.

– Немедленно отправьте наверх!

И отправили бы, но мы взбунтовались. Отстаивая свое право работать в шахте, правдами и неправдами мы прибавляли себе года. Труднее было тем, кто ростом не вышел. Через неделю все уладилось – мы вновь вязали арматуру, но на глаза начальству старались не попадаться.

На нашей шахте была такая атмосфера, что в забой спешили все с какой-то радостью, с удовольствием. Ведь это счастье – с радостью идти на работу и считать себя нужной, полезной людям. Сознать, что после тебя останется на родной земле что-то, сделанное тобой, твоими руками! Теперь, столько лет спустя, сколько бы раз я ни проезжала станцию метро «Красные ворота», она кажется мне самой красивой. А когда мне говорят, что есть станция куда краше, я сержусь. В этой станции, в холодном камне, застыла моя комсомольская юность...

Да что говорить, удивительно боевой дух был у нас, у молодежи. Нас беспрестанно влекло что-то сделать, чему-то научиться. Я и Тося Островская сначала сдали нормы на значки ГТО – «Готов к труду и обороне!», ГСО – «Готов к санитарной обороне!», потом – на значок «Ворошиловский стрелок» – и все мало. Записались в хор, стали ездить в Сокольники кататься на роликовых коньках. Тося хорошо каталась, а я уже разбила себе и локти, и колени, но упорно поднималась с асфальта, продолжая учиться, и наконец, ура, научилась.

Из шахты в небо

Однажды в шахтном буфете я прочла объявление о приеме в планерную и летную группы аэроклуба Метростроя. Совсем недавно IX съезд комсомола выдвинул призыв: «Комсомолец – на самолет!» Побывала у нас, на Метрострое, и выездная редакция «Комсомольской правды», проводя агитацию. В то же время наша многотиражка – «Ударник Метростроя» – сообщала, что неподалеку от станции Малые Вяземы метростроевский аэроклуб получил площадку под аэродром, 4 самолета У-2 и 3 планера. Будущие планеристы, летчики, парашютисты приглашались для корчевания пней, строительства полевого аэродрома, ангаров для самолетов и планеров. Что ж, корчевать так корчевать! По правде сказать, втайне я давно мечтала о полетах – как мечтают о далеких странах, манящих, но недостижимых.

И вот, прочтя объявление о приеме, я набралась смелости и сделала первый шаг – отправилась по указанному адресу, на улицу Куйбышева, дом 3.

Я нашла нужный дом, а заходить боюсь. Уже прочитала все плакаты, стенгазету, объявления, развешанные по коридору, а к заветной двери с надписью «Приемная комиссия» подойти все не решаюсь.

– Вы кого ждете, девушка? – спрашивает меня военный в форме летчика.

Я не видела его лица: уставилась на нарукавный знак, вышитый золотом, – эмблему ВВС. Именно такую эмблему мне через многие годы подарят летчики – узники Костринского концлагеря. Они сплели сумочку из соломы, на которой спали, и вышили на ней эмблему ВВС (пропеллер самолета) с моими инициалами: «А.Е.», Анна Егорова, и тайно передали мне... А тогда, заикаясь, я начала говорить, что очень хочу поступить в летную школу аэроклуба и вот даже заявление принесла.

– Заявления мало, – сказал летчик, – нужны рекомендации с шахты, от комсомольской организации, медицинское заключение, свидетельство об образовании и метрика. Когда все документы соберете, приходите с ними на мандатную комиссию. Комиссия решит – принять вас или нет.

Поблагодарив летчика и окрыленная тем, что начало положено, я выскочила на улицу и, не чувствуя под собой ног, помчалась в сторону Красных ворот, на шахту. В комитете комсомола мое поступление в аэроклуб одобрили, а вот в бригаде...

– И куда тебя несет нелегкая? – мрачно прокомментировал Вася Григорьев. – Лучше бы тебе, Егорова, в институт пойти учиться, а летать – пусть парни летают.

– Да куда ей, дохлой такой, лезть в летчики! От удара током еще не оправилась, – высказалась Тося Островская.

А еще задумшевая подружка! Мы даже спали, можно сказать, вместе – в общежитии наши койки стояли рядом, мы работали в одной бригаде, вместе учились на рабфаке. Даже платья и кофточки у нас были «взаимозаменяемые»: одна вещь на двоих. Сегодня она в юбке с кофтой, а я в платье, завтра – наоборот. Тося мечтала стать врачом, а я еще не решила, кем быть, и на этой почве мы часто спорили. Забегая вперед, скажу – Антонина Сергеевна Островская выучилась-таки на врача и всю войну была на фронте хирургом. А тогда она очень хотела, чтобы и я шла с ней вместе в медицинский институт.

Но все споры разрешил наш бригадир.

– Она жилистая, выдюжит. Пусть поступает! – заключил он и дал мне рекомендацию.

Теперь предстояло пройти медицинскую комиссию – да не одну, а две. Сомнений было много: нас пугали какими-то лабиринтами, ямами, якобы придуманными врачами для тех, кто хотел летать. Но, к моему удовольствию, никаких лабиринтов и ям на комиссии не было. В обыкновенных кабинетах сидели обыкновенные врачи, которые прослушали, простучали нас,

повертели на специальном кресле, испытывая вестибулярный аппарат, и, если не находили никаких отклонений, писали: «Годеи».

Правда, на вторую комиссию из 20 человек прошли только 12 – но для меня все обошлось благополучно. Все врачи написали одно, самое чудесное из всего русского языка слово – «здорова». Теперь оставалась мандатная комиссия.

Люди, кто в военной, летной форме, а кто в сугубо штатских пиджаках, убеленные сединами и совсем молодые, вот уже который час сидели за большим дубовым столом и решали, кто достоин чести подняться в небо. Справки, характеристики, рекомендации... Груда их на столе. Читай, разбирайся – на то ты и мандатная комиссия. Но что сухие документы? Нужно посмотреть на кандидата, определить, на что он годен, задать вопросы, не предусмотренные справками.

И вот, отработав в шахте ночную смену, я помылась в душе, переоделась, позавтракала в шахтной столовой и направилась на мандатную комиссию. Располагалась она в бывшей церкви в Яковлевском переулке, что у Курского вокзала. Теперь здесь были классы и кабинеты аэроклуба. Меня долго не вызывали, и я (после ночной-то смены!) заснула, сидя в углу на деревянном диване. Но стоило услышать свою фамилию – вскочила и, не оправившись ото сна, влетела в кабинет. Надо было предстать перед высокой комиссией по-военному, доложить по всем правилам, а я только и сказала:

– Это я, Аня Егорова, с 21-й шахты...

Все сидящие за большим столом дружно засмеялись. Вопросов же ко мне было бесконечно много: спрашивали о родителях, о братьях, о сестрах, и о работе, и о географии.

– Определите долготу и широту города Москвы, – помню, предложил кто-то из дотошной комиссии.

Я подошла к карте, висевшей на стене, долго водила пальцем по меридиану и по параллели и наконец объявила. Все снова засмеялись: оказывается, я перепутала долготу с широтой.

– Она же смущается, – вмешался представитель комсомола, – ударница она.

– Ну, если ударница... – шутливо протянул легчик, – тогда скажи, девушка, в какую группу ты, собственно, желаешь поступить?

Я поняла, что «мычать» больше просто невозможно, нужно взять себя в руки и заговорить нормально, толково, иначе все рухнет: выгонят и второй раз не позовут. Я вздохнула поглубже и сказала:

– Пилотом хочу быть!

– Э-э, какая шустрая, оказывается, а комсомол уверял, что она смущается. Сразу не куда-нибудь, в летную требует...

Кто-то из-за стола буркнул:

– Рановато, по возрасту не подходит, годок подождать надо.

Что за притча: из-за возраста меня в золотошвейки не принимали, из-за возраста из шахты выпроваживали... И вот опять, когда я, сделав подлог, прибавила себе два года, – опять по возрасту не подхожу?

– Пойдешь пока на планер...

– А что это такое?

– Не знаешь? Странно... Это летательный аппарат. Ну как тебе попроще объяснить: самолет без мотора...

– Так, значит, я напрасно о моторе мечтала? – вырвалось у меня, я подошла к столу вплотную и заговорила быстро-быстро, обращаясь, по существу, лишь к летчику:

– Планер планером, а мне на самолет надо... Ведь я же очень, поймите, очень летать хочу...

– В этом году полетаете на планерах, понравится – в летную группу переведем. Следующий!

Закрыв за собой дверь, я бессильно опустилась на кем-то любезно подставленный стул. Со всех сторон сыпались вопросы: «Ну, как там?», «Куда тебя?», «Строго спрашивают?»...

Всю зиму мы занимались теорией. Совмещать работу, учебу на рабфаке и в аэроклубе было трудно. Но мы с Тосей ухитрились и в кино сходить, и даже изредка на танцы. Над нашей шахтой шефствовал Театр оперетты, и нам часто давали билеты на спектакли. Нашим кумиром был артист Михаил Качалов, и я даже была влюблена в него, стараясь попасть на спектакли с его участием и сесть поближе к сцене.

Ранней весной мы стали ездить в село Коломенское на практику. Говорили, что когда-то именно тут холоп Никитка, соорудив себе крылья, прыгнул с высокой колокольни. Там с крутого берега Москвы-реки мы взлетали и парили на планерах. Конечно, по меркам нынешнего времени все делалось весьма примитивно. Планер УС-4 устанавливали на крутом берегу, и он закреплялся штырем. В кабину садился курсант, а остальные спускались на склон, брались за концы амортизаторов, прицепленных к планеру, и по команде инструктора: «Натягивай!» – растягивали их, чтобы «выстрелить» сидящего в кабине безмоторного аппарата, как из рогатки.

Чтобы побыть в воздухе 2–3 минуты, а остальное время так вот натягивать амортизаторы планера, отработав смену в шахте, все лето, каждый день я ездила в Коломенское. К осени на шахте уже в наклонном стволе в ноздри ударил уютный запах теплой сырости, малярки и лака. Запах отделочных работ, верный признак того, что дело близится к завершению, рождал в груди приятные чувства. Ощущение чего-то праздничного, волнительного сопровождало нас, когда мы шли по почти готовому перрону станции. А ведь стены станции еще стояли «раздетыми», еще несли и несли вниз тяжелые ящики с электрооборудованием. Вчерашние арматурщики, мы занимались облицовкой – это было привычным явлением для тогдашнего метро. Люди хотели возводить станции от начала до конца и осваивали несколько смежных специальностей...

В октябре 1934 года в метро прошел пробный поезд из двух красных вагонов. Какое же было тогда ликование! Мы кричали «ура», пели песни, обнимались, плясали, бежали вслед за вагонами. Моя первая поездка в поезде метрополитена оставила неизгладимое впечатление. Что творилось под землей 6 февраля 1935 года, когда строители «промчались» через свои 13 станций! А 15 мая 1935 года Московский метрополитен был открыт для всеобщего пользования. За ударную работу на метро Московской комсомольской организации была вручена высшая правительственная награда – орден Ленина; большую группу строителей метро тоже отметили орденами и медалями. Для нас же Метрострой стал замечательной школой мужества, становления характера и закалки.

«Выходи за меня замуж!»

– ...Ну хватит землю копать, пора браться за ум. Поступай-ка в институт – а пока, я договорился, поработаешь в редакции газеты «Труд». Должность не ахти какая, но зато будешь среди умных и образованных людей. Глядишь, повлияют на твой партизанский характер.

Так заявил мой брат и отвез меня во Дворец труда на Солянку, где размещалась редакция. И я стала читать письма рабкоров, определяя, в какой отдел их отнести. Работа была интересная, но мне не хватало коллектива энтузиастов «Комсомолстроля». Поэтому «промучившись» в «Труде» четыре месяца, я удрала на строительство второй очереди метростроя, на шахту 84–85 «Динамо». Теперь я стала работать слесарем по ремонту отбойных молотков и перфораторов, а заодно и общественным библиотекарем при шахткоме. Вечерами же я занималась уже в летной группе. Рабфак и планерная школа были окончены – я получила среднее образование, став инструктором-планеристом.

В аэроклубе мы изучали теорию полета, аэронавигацию, метеорологию, «Наставление по производству полетов» и материальную часть самолета У-2. К весне по воскресеньям стали ездить с инструктором на аэродром в Малые Вяземы для наземной подготовки. Садись на Белорусском вокзале на «паровичок» (электричек тогда еще не было) – и полтора часа до Вязем. Оттуда через лес вдоль речки Вяземки – километровый поход до аэродрома.

Наш аэродром!.. Он уже ждал нас – за деревней Малые Вяземы располагалось большое, обрамленное лесом поле. Были построены ангары, служебные помещения, жилой дом – и все это руками курсантов-метростроевцев. Подготовка к полетам мы, курсанты, обучались по небольшой книжечке в голубом переплете. Называлась она «Курс учебно-летной подготовки школ ВВС РККА», или просто КУЛП. Нам строго внушали, что эта книга написана кровью летчиков. В ней были и указания курсанту-летчику по изучению и освоению курса летной подготовки, и «общие» советы.

Возьмем, к примеру, пункт пятый: «Постоянно воспитывать в себе: воинскую дисциплинированность, как на земле, так и в полете; организованность, культурность в работе и в быту; постоянную внимательность даже к мелочам, аккуратность, точность, быстроту в действиях и особенно разумную инициативность при выполнении поставленной задачи». Очень дельные советы!

Тогда мы учили страницы этой замечательной во всех отношениях книги чуть ли не наизусть. Вот, пожалуйста, еще один из ее пунктов: «Не падать духом при временных неудачах: наоборот, при неудачах проявлять еще больше настойчивости, упорства и воли, еще больше работать над преодолением трудностей, при успехе не зазнаваться, не допускать ослабления внимания, расхлябанности, насмешек над товарищами. Помнить, что в летной работе серьезное осмотрительное отношение к каждому полету и занятию, к каждой мелочи необходимо каждому летчику, независимо от его качеств, летного умения и стажа. Нарушение этого правила обязательно кончается поломкой или аварией, соблюдение его обеспечивает постоянную безаварийную высококачественную работу».

Десятки раз мы перечитывали страницы КУЛПа перед полетом, перед выполнением очередного упражнения, при подготовке к экзаменам. Учили и «Наставление по производству полетов» – НПП. На аэродроме же мы первым делом держали экзамен перед механиком по знанию самолета и мотора. Затем, установив самолет на штырь, по очереди садились в заднюю кабину (в передней сидел инструктор) и, действуя рулями, учились взлетать, разворачиваться, приземляться на три точки.

Инструктор терпеливо показывал, как проектируется горизонт на различных режимах полета. Для этого мы на руках то поднимали хвост самолета, то опускали, то заносили его в стороны.

Наконец сданы все зачеты, окончена наземная подготовка, и в следующее воскресенье мы должны летать. Как долго тянется время, когда ждешь... Я уже опять работала в шахте – расчеканщиком. Мы чеканили швы тубингов (это гидроизоляция тоннелей). Очень трудно было чеканить свод тоннеля – уставали поднятые вверх руки с чеканочным молотком. К тому же вода при такой работе льется сверху прямо в рукава и стекает по всему телу: стоишь, как под ливнем. Когда чеканишь лоток тоннеля, возникают другие трудности. После многих подготовительных работ чеканочным пневматическим молотком нужно закладывать в швы свинец и утрамбовывать раствор. Работа наша считалась вредной, то и дело буфетчица подвозила нам молоко прямо к рабочему месту и заставляла пить – сколько сможем! В бригаде каждому поручалось определенное задание. Моя задача – сделать раствор из цемента, жидкого стекла, песка и других компонентов согласно дозировке и заложить его в швы тубингов. Работа не сложная, но в рукавицах это делать очень неудобно, да и неспоро. Тогда я сняла их и начала ладошками втискивать раствор между чугунных, неровных стенок тубингов.

После смены отмыла руки, гляжу – а кожи на них нет, и они страшно болят. «Как же полеты?» – мелькнула у меня тревожная мысль. Я прибежала в санчасть – и доктор так и ахнула:

– Что же ты, глупая, наделала!

– А к воскресенью они у меня заживут? – спросила я. – Мне ведь на полеты нужно.

– Какие там полеты! – ворчала докторша, смазывая чем-то мои руки и забинтовывая их.

Она выдала мне бюллетень и запретила снимать повязки и мочить руки.

На второй день я все же вышла на работу, но забивать раствор в швы не смогла даже в рукавицах. Тогда я стала носить ведрами цемент и песок. Чтобы не тревожить больные ладошки, ведро я брала как дамскую сумочку и несла его на согнутой в локте руке. Проходя с очередным ведром цемента, я вдруг услышала крики. Спорили парни из бригад проходчиков. Шуму и так было много – от отбойных молотков, чеканочных, работающих на сжатом воздухе, от шипения шлангов, от вагонеток. Но парни перекричали весь этот производственный шум.

– Аня! Аня! – слышу, зовут они меня. – Скажи, как правильно: упера или оперб?

Передо мной два здоровенных парня – красные от спора, сжимающие в руках огромные гаечные ключи. На всякий случай я встала между ними и примирительно сказала:

– Если по-французски, то будет оперб, а по-русски – упера.

Парни поутихли, посочувствовали, что мои руки забинтованы, и один спрашивает:

– Почему тебя никогда на танцах не видно?

– Некогда, я же учусь в летной школе нашего аэроклуба.

– И уже летала? – спросили шахтеры в один голос.

– Конечно, – слукавила я, покраснела и, нацепив на руку ведро, пошагала к себе на участок.

– Что у вас, Егорова, с руками? Почему несете ведро с цементом на бедре, а не в руке? – спросил идущий навстречу начальник смены.

– Мне так удобно, – ответила я и прибавила шагу. В начале смены бригадир не допускал меня до работы, но я убедила его, что хоть немного, но буду помогать бригаде в выполнении плана, и осталась.

К концу второй пятидневки мои руки поджили, – и я тут же отправилась в аэроклуб. На аэродром теперь надо было ездить каждый день. На шахте дела шли хорошо, но когда я попросила перевести меня работать в одну утреннюю смену, так как летать предстояло каждый день, бригадир Залоев запротестовал:

– Не пуцу! Не имеешь права!

Осетин Залоев был красив. Черные с синевой огромные глаза горят огоньками из-под пушистых длинных ресниц, брови взлетели как два крыла, кудрявые волосы выбились из-под шахтерской шляпы. Высокий, статный. Уродливая спецодежда будто ему идет! И вот я рас-

сматриваю его, а он что-то кричит на своем родном языке, бегают взад-вперед по площадке, размахивая чеканочным молотком. «Вот, – думаю, – по своей кавказской горячности еще как стукнет меня молотком!» А Залоев, успокоившись, примирительно говорит:

– Нэ сэрдыс на мэня, добра тэбе хочу. Брось свой полеты, можешь голову потэрят. Вот построим станцию, пойдешь учиться в институт на дневное отделение, в какой только захочешь, а сейчас, Аня, надо работать.

– Нет, Георгий, спасибо за совет, но полеты я не брошу.

И вот, отработав смену в шахте, мы собираемся, как на праздник, на свидание с небом! В вагоне по дороге на Малые Вяземы шумно, весело. Мы поем песни; запекает красивая белокурая девушка в синем вельветовом платье с красными пуговицами. На шее у нее шелковая голубая косынка – под цвет глаз. Это Аня Полева, тоже учлет аэроклуба. Незаметно пролетают полтора часа – и вот уже мы идем пешком к аэродрому. За ту неделю, что мы не были здесь, позеленели лужайки, а кое-где уже и черемуха расцвела. Виктор Кутов сбегает с тропинки, лезет в кусты – и я получаю первые цветы в своей жизни. Я еще сержусь на него, но подарок принимаю. А сержусь я на Виктора вот за что: когда был призыв Хетагуровой к девушкам – ехать на Дальний Восток¹, я горячо откликнулась на него и принялась увольняться с работы. Перестала даже посещать занятия в аэроклубе! Отдел кадров увольнять никого не торопился и отослал меня в шахтком к председателю Шабовте – старому шахтеру, очень уважаемому человеку. Мы его не просто уважали, а любили, и шли к нему со всеми радостями и горестями, как к отцу. Когда я подала ему заявление об увольнении, он надел очки, прочитал, потом посидел молча, подумал, посмотрел на меня внимательно и сказал:

– Я не видел твоего заявления, уходи...

А вечером приехали «делегаты» из аэроклуба – Кутов и Тугуши.

– Почему не посещаешь занятия?

– Уезжаю на Дальний Восток, – сказала я.

– А почему? – спросил Тугуши. – Ведь и наша стройка тоже комсомольская и не менее важная, чем Дальний Восток.

– Замуж, может, захотела выйти? Так зачем так далеко ехать? Выходи за меня, – горячился Виктор.

Я стала говорить, как на уроке политграмоты, что это патриотический призыв, что еду я по зову партии и по велению сердца.

– А почему только девушек призывают? Вам что, проще и легче осваивать тайгу, чем парням?

В душе я соглашалась с ребятами, но упрямо доказывала «делегатам» обратное. Тем не менее на второй же день я порвала заявление об увольнении и вечером пошла на занятия в аэроклуб. И вот в руках черемуха от Виктора. Я отламываю малюсенький лепесточек и начинаю гадать: вместо обычного «любит – не любит» шепчу про себя: «Полечу – не полечу...» Выходит «полечу», и, радуясь, я бегу легко и свободно навстречу своему будущему...

¹ В феврале 1937 г. комсомолка Валентина Хетагурова, жена одного из командиров войск Дальневосточного военного округа (Георгий Иванович Хетагуров, впоследствии Герой Советского Союза, генерал армии), обратилась к молодежи (и особенно к девушкам) с призывом ехать на освоение Дальнего Востока. На ее призыв откликнулось свыше 30 тысяч человек (прим. редактора).

Первый полет

Что может быть в жизни удивительнее полета?.. Помню так: летное поле с жаворонками, с колокольчиками. В ряд выстроились наши самолеты и мы – в синих новеньких комбинезонах, осоавиахимовских² шлемах с очками. Каждая группа напротив своей машины. Начальник аэроклуба принимает рапорт начлета. Все замерли. А ветерок в лицо, дышится легко, свободно. И так хорошо жить на белом свете, так радостно! И думаешь: никогда-то не будет конца ни твоей молодости, ни самой-то жизни...

– По самолетам! – командует начальник аэроклуба.

Наш инструктор Георгий Мироевский садится в первую кабину, во-вторую – учлет Тугуши. Мы все очень завидуем товарищу: ему первому посчастливилось подняться в воздух.

– За-апус-кай моторы! – подает команду начлет.

– Выключено! – глядя на техника, стоящего около винта самолета, произносит инструктор. – Зальем!

– Есть зальем! – кричит техник, проворачивая винт.

– К запуску!

– Есть к запуску!

– От винта!

– Есть от винта! – И техник, сильно дергая лопасть – срывая компрессию, отбегает в сторону. Винт закрутился, мотор заработал, почихивая чуть заметным дымком. Инструктор выбросил в стороны руки, что означало – убрать из-под колес колодки. И вот самолет плавно порулил к старту.

С инструментальной сумкой, колодками, чехлами мы сидим в «квадрате» и наблюдаем за самолетом. «Квадрат» – это такое место, где находятся все свободные от полета учлеты аэроклуба и техники. Каждый не сводит глаз с самолета. Вот «наш» сделал несколько кругов над аэродромом и приземляется. Мы все срываемся встретить его, но техник строго останавливает:

– Пусть-ка одна Егорова встретит.

Ухватившись рукой за дужку крыла, я бегу широкими легкими шагами, стараясь не отстать от машины. Инструктор, не выключая мотора, приказывает садиться следующему, а мы окружаем Тугуши и засыпаем его вопросами.

– Ну как, хорошо?

– Хорошо! – отвечает он, улыбаясь во весь рот.

– Как хорошо? – спрашиваю я. – И ничуть не страшно?

– Нет, не страшно.

– А что ты видел?

Тугуши задумывается:

– Голову инструктора, счетчик оборотов с зеркалом, в зеркале лицо инструктора.

– И больше ничего?

– Ничегошеньки, – серьезно отвечает Тугуши под наш общий смех.

Подошла моя очередь.

– Разрешите садиться? – обращаюсь я к инструктору. Мироевский кивком головы разрешает, и я забираюсь в кабину, пристегиваюсь ремнями, соединяю шланг переговорного аппарата. Стараюсь делать все степенно, не спеша, чтобы не выдать волнения.

² ОСОАВИАХИМ, Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, образовано в 1927 году слиянием Общества друзей воздушного флота, химической обороны и промышленности (АВИАХИМ) СССР и Общества содействия обороне (ОСО) СССР. В 1948 г. разделено на Добровольное общество содействия армии (ДОСАРМ), Добровольное общество содействия авиации (ДОСАВ), Добровольное общество содействия флоту (ДОСФЛОТ) (прим, редактора).

– Готова? – нетерпеливо спрашивает инструктор, наблюдая за мной в зеркало.
И, силясь перекричать гул мотора, я кричу:

– Готова!

Через переговорный аппарат получаю указания: в полете инструктор все будет делать сам, а я – только мягко держаться за управление и запоминать действия рулями.

– Старайтесь заметить направление взлета, ориентиры разворотов. Взлетаем! – слышу я наконец команду.

В воздухе говорит один инструктор:

– Старт юго-западный. Справа Голицыно, Большие Вяземы, слева – железнодорожная станция Малые Вяземы. Выполняем первый разворот.

Я – вся внимание. Стараюсь запомнить, что там, внизу, не упустить бы и работу с рулями самолета...

– Под нами станция Малые Вяземы. А вот здесь второй разворот, запоминайте, – настойчиво продолжает Мироевский.

Когда мы пролетали над пашней, самолет сильно качнуло. Я, бросив управление, ухватилась обеими руками за борта, а инструктор словно и не заметил моего движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.